

Среди книг

Издано
в СССР

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

ВЕК НОВЕЛЛЫ

Французская новелла XX века.

В двух томах. Переводы с французского. Составители В. и Т. Балашовы. Статьи об авторах В. Балашова, Т. Балашовой, Г. Косикова и Ю. Стефанова. Москва, «Художественная литература», т. I — 1973, т. II — 1976.

Можно только с благодарностью приветствовать издание этих двух томов французской новеллы, составленных В. и Т. Балашовыми. Том первый включает произведения с 1900 по 1939 г., а второй — с 1940-го по 1971 г. По сути, здесь представлен чуть ли не целый век французской новеллы — от Анатоля Франса, Куртелины и Жюль Ренара до современных авторов.

Эта дань уважения к моей стране, к ее старейшему и прославленному искусству отрадна для меня не только потому, что я француз, но и потому, что я писатель и, да простят мне столь нескромное признание, в какой-то степени наследник традиционного французского искусства короткого рассказа.

Я говорю об этом не без горечи, так как в последние годы во Франции наблюдается некоторый спад жанра новеллы. Здесь требуется уточнение. Новеллы, конечно, по-прежнему читают, но скорее новеллы классические. До сих пор популярен у нас Мопассан. Только в самые последние дни

я получил два или три сборника его рассказов, выпущенных карманным форматом. И все-таки в издательствах появилось какое-то пренебрежительное отношение к новелле. Издатели избегают печатать современные новеллы, утверждая, что книгопродавцы отказываются от них под предлогом отсутствия спроса. На самом же деле, если попытаться узнать мнение читателей, станет ясно, что новелла вовсе не перестала пользоваться любовью. «Закодированный круг?» — скажете вы.

К сожалению, из периодики совершенно исчез короткий рассказ (с которым, например, до войны часто выступали Колетт и Жироду). В ту пору обычай ежедневно печатать рассказ был интересен по многим причинам. Это давало возможность большей части писателей печататься. Публика была приучена к чтению коротких историй. Я считаю, что новелла — прекрасная школа для писателя. С помощью минимальных средств нужно выразить как можно больше, всего на нескольких страницах запечатлеть ситуацию, переживания, конфликт и его разрешение — и все это без лишних слов и ненужного красноречия. Качества эти необходимы и для того, кто пишет, и для того, кто читает.

В тот период (до второй мировой войны), когда большинство французских газет ежедневно печатали рассказы, они выпускались затем отдельными сборниками. Так, например, вышел целый том рассказов Жироду, озаглавленный «Утренние рассказы» (по названию газеты «Матен», что означает «Утро», где эти рассказы публиковались). И в Париже и в провинции выходило довольно много подобных изданий, правда, не всегда самого высшего сорта, но жанр короткого рассказа в ту пору очень привлекал писателей. Добавим, что и литературные еженедельники (куда более многочисленные, чем сейчас) охотно печатали рассказы.

Что же произошло? В ежедневных газетах рассказ уступил место рисованным

историям. Еженедельники, которые во многом изменились, тоже почти не печатают новелл, литература отступила под натиском другого рода материалов: политических, социологических, иллюстративных и т. д. Литературных журналов типа «Эроп» сейчас гораздо меньше, чем было прежде. А исчезновение новеллы из прессы привело к тому, что и издательства стали меньше публиковать сборники новелл. На мой взгляд, речь идет скорее не об утрате вкуса к короткой истории, а об утрате привычки: новеллы реже читают, ибо их меньше издают. А это, в свою очередь, не побуждает и писателей к сочинению новелл.

Однако именно в этом жанре созданы у нас образцы, которыми мы с давних пор можем гордиться. Произведения, собранные в двух томах, вышедших на русском языке, отражают то единство и разнообразие, которые присущи французской новелле. Общее и, я бы сказал, неизменное — это строгость и лаконичность. Разнообразие: каждая из новелл очень характерна для ее автора. В ней сконцентрировалось все, что типично для писателя: тонкая ироничность Анатоля Франса или теплота Кодегг, деревенская сочность Перго или сумрачное мастерство Мальро — перед нами раскрывается целый веер французской новеллы. И еще одно ее качество я мог бы назвать — это достоинство, не утраченное и по сей день. В ней всегда идет речь о человеке, его чести, его истинной сущности. Насмешливая, ироничная, избочливающая и в то же время экспрессивная, французская новелла несет в себе и нравственное начало.

Какие похвалы жанру, скажете вы, который умирает, хотя им могла бы гордиться страна Мопассана. Но недостаточность даже самых высоких качеств, богатого прошлого и неисчерпаемых возможностей, если отсутствуют необходимые материальные условия. И было бы крайне обидно, если бы Франция, страна Вольтера, Мопассана, Флобера, Шарля Луи Филиппа, забывала столь изумительное и столь действенное искусство. Вот почему в последнее время предпринимаются некоторые попытки возродить и само искусство новеллы, и обычай ее читать — то есть вернуть ей место, которое она заслуживает. Гонимая Академией учредила стипендии новеллистам. Провинциальные газеты пытаются вновь возобновить регулярную публикацию новелл. А издатели начинают понемногу выпускать сборники рассказов. Новелла не вернула себе пока прежней популярности. И не пользуется у нас таким успехом, как в Советском Союзе и в других странах. Но постепенно она снова завоевывает прежние позиции.

Два тома новелл, лежащие передо мной, необычайно ценны не только потому, что являются собой глубокое исследование в области французской новеллы, увлекательный материал для чтения и реально воплощают этот вид искусства. Читая эти книги, как мне кажется, можно совершить путешествие не только по произведениям фран-

цузских рассказчиков, но и по земле Франции, ее провинциям, изучить нравы и обычаи моей страны. Одновременно это может быть и путешествием по современной истории Франции, проникновением в ее заботы, горести, ее надежды, чаяния и победы. И путешествие это не будет отвлеченным, оно будет вполне конкретным: под небом нашей страны, среди мужчин и женщин, населяющих нашу землю. И вы увидите, что у каждого из них свое лицо и ни на кого не похожий голос.

Эти два тома могут оказать помощь и нам: они позволяют познать принадлежащие нам богатства. Зачастую друзья помогают нам обрести самих себя. Это как раз такой случай. И если французская новелла возрождается во всей полноте своих возможностей, а она возродится — я убежден, так как она никогда не умирала, — то это произойдет и благодаря большому друзьям французской культуры.

ПЬЕР ГАМАРРА

ОБЪЕДИНЯЕТ ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА...

Павел Антокольский. Два века поэзии Франции. Переводы. Москва, «Художественная литература», 1976.

По-прежнему спорным остается вопрос: если поэт или прозаик много переводил с других языков, правомочен ли он эти переводы издавать отдельным томом (или томами) под своим именем? Иногда мы чувствуем, что это выглядело бы по меньшей мере странно, иногда это кажется нам естественным и нормальным. А если так — где же граница странного с естественным и что именно превращает странное в естественное?

Стихи Лермонтова «Воздушный корабль», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Они любили друг друга так долго и нежно» мы встречаем всегда в книгах Лермонтова и считаем стихами Лермонтова, хотя указано соответственно, что это из Цедлица, из Гёте, из Гейне.

У Пушкина есть «Песни западных славян», переведенные с французского, а написал эти песни и ввел Пушкина в заблуждение Мериме. Общеизвестная литературная мистификация. Но все-таки это издается под именем Пушкина, так же как некоторые стихотворения Анакреона, Мицкевича, Шенье.

Это естественно. Но было бы странно, если бы мы взяли в руки книгу, на переплете которой стояло бы «Пушкин», а содержались бы в ней поэмы Байрона, хотя бы и в пушкинском переводе.

Странно было бы видеть: «Гнедич. Илиада. Перевод поэмы Гомера». Нет, все-таки: «Гомер. Илиада. В переводе Гнедича».

СРЕДИ КНИГ